

Юрий ПАХОМОВ

СНЫ В ОПРОКИНУТОМ ДОМЕ

Повесть

1

Инсульт стукнул меня в самое неподходящее время: сидел на совещании ветеранов ВМФ в Краснознаменном зале Центрального дома Российской армии и вдруг поплыл: сначала почувствовал слабость в правой руке, затем одеревенел язык, попытался встать – правая нога не слушалась, перед газами заскользили темные точки. Я откинулся в кресле и с трудом сказал соседу, капитану первого ранга:

– Что-то мне худо, брат...

Он глянул на меня, встал, крепко взял за талию и повел по коридору к роскошной лестнице, на которой стояли солдаты. Перемещение мое выглядело так: левая нога шагала довольно твердо, правая – волоклась, а правая рука словно висела на гвозде. «Срочно, скорую!» – крикнул капитан первого ранга, и солдаты посыпались с лестницы. Меня положили на ди-

ван в холле. Я попытался расслабиться, но тут дом покочнулся, потолок стал полом, возникла мысль – вот так и бывает.

Скорая помощь приехала минут через двадцать. Мальчик и девочка. Они деловито развернули меня, воткнули иглу в ягодицу, измерили давление. Лекарство начало действовать. Я слышал вокруг писклявые голоса, зеленый халат взлетел и цепко сел на спинку дивана. Потом меня куда-то везли, стучали колеса, внезапно вспыхнул свет и открылся пустой коридор, скрывающийся в перспективе, постепенно превращаясь в тоннель, навстречу мне брел, цепляясь за стену, совершенно голый человек. Понятно, решил я, его там не приняли и он возвращается к жизни. Загремела железная дверь лифта. Кабина качнулась и взмыла вверх. Дальше путаница: огромная палата, разделенная перегородками на секции, приборы, перемигивающиеся

Юрий Николаевич ПАХОМОВ (Носов), российский писатель, родился в 1936 году.

Окончил Военно-медицинскую академию, после чего служил на подводных лодках и надводных кораблях Черноморского и Северного флотов. Участвовал во множестве морских походов, бывал в «горячих точках». Полковник мед. службы в отставке. Прозаик, лауреат международных и Всероссийских литературных премий. Секретарь правления Союза писателей России.

Живет в Москве.

огоньками, внимательные глаза врача – женщины сказочной красоты.

– Постарайтесь уснуть, – сказала она, и опустился мрак.

Там, в реанимации, меня впервые посетил кошмарный сон, который потом многократно повторялся, изменялись лишь отдельные детали, а сюжет сохранялся.

Я почувствовал, что здание больницы с треском завалилось на бок, из труб повалил пар, откуда-то хлынула вода, койка сдвинулась с места и выплыла в свободное пространство. По проспекту текла человеческая река – люди без лиц, сцепленные между собой, двигались ритмично, и все это напоминало гигантскую сороконожку. По небу растекалось багровое зарево. Сороконожка скользнула в распахнутую дверь метрополитена. В чувство меня привело прохладное прикосновение руки дежурной сестры. Сердце колотилось где-то у горла. Далее:

...Из сумрака возникла гостиная моей квартиры на Комсомольском проспекте. Большой полукруглый стол, глубокие кресла, двери в смежные комнаты отсутствовали, гостиная как бы зависла в пространстве. На небольшом журнальном столике лежала книга, что я читал утром. За столом разместились отец, мать, жена, у окна в кресле сидел незнакомый старик, точнее, его зыбкая тень. Они улыбались, приглашающе махали мне руками.

– Ну вот, наконец-то мы вместе, – сказал я, удивляясь, что говорю – мой голос отчетливо прозвучал в тишине.

Сестра подошла ко мне, спросила:

– Вы что-то сказали?

– Я не совсем понимаю, где нахожусь?

– Вы в больнице. Ощущаете ногу?

– Нет.

– Говорите, уже хорошо.

2

На третий или четвертый день меня перевели в палату на четверых. Напротив меня, у умывальника, лежит старик, слева разместился молодой человек, совсем юноша, у окна всхрапывал мой ровесник с треугольной головой. И тут вошел мой сын Игорь, сорокапятiletний мужик, генеральный директор крупной фирмы, его охранник поставил на стол букет цветов, пакет и удалился.

– Ты что это надумал, отец? – расстроено спросил сын. Он очень походил на меня: густые с проседью волосы, зачесанные на пробор, массивная фигура, дорогой костюм.

Я сдержал улыбку:

– И на старуху бывает проруха.

– Я обзвонил больницы, морги, привлек приятеля из ФСБ. Почему тебя не положили в госпиталь имени Бурденко? Или Вишневского? Контр-адмирал, Герой Советского Союза.

– Не пыли! Откуда знать этим пичужкам, что я контр-адмирал? В паспорте не написано. А язык отнялся. Да здесь хорошо, чисто, недавно ремонт сделали. Первая Градская своими врачами славится.

– В Кремлевку переведем...

– А вот это не надо. С простым народом лучше.

– Твое упрямство известно. Что врачи говорят?

– Инсульт. Речь, как видишь, восстановилась, правая рука крепнет, а нога – бревно. В гальюн не пускают, утка да эта хреновина – судно называется. Дней через десять доктор обещал костыли выдать. Обуза тебе, сын.

– Чепуха. Найму сиделку. Недели три пролежишь, а дома найдем другую, за тобой приглядывать. Прорвемся, батя.

– Куда прорываться? Мне круто за семьдесят. – Я почувствовал, как слеза выкатилась из левого глаза.

Игорь сделал вид, что не заметил.

– Ты полежи, я с лечащим врачом поговорю. Как его зовут?

– Леонид Павлович.

«Хорошего сына мы воспитали, – подумал я, – флотской закалки».

Дверь прикрылась и все стихло. Я закрыл глаза, вновь подступила слабость. Я почти все время сплю. По углам палаты скапливаются сумерки. И вдруг человек с треугольной головой легко вскакивает с койки, подходит ко мне, садится на стул: крапчатая лысина, узкое лицо в обрамлении бороды. Я понимаю, что это сон, он не может встать. Мучает другое, стертые черты лица знакомы мне. Я знаю этого человека, знаком с ним. Сколько длится сон, не ведаю, приоткрывается дверь, человек с треугольной головой исчезает, входит лечащий врач, за ним – сын.

– Ну что, Александр Иванович, как себя чувствуете? – Леонид Павлович оптимист или старается таким казаться в силу профессии.

– В правой руке появилась чувствительность, а правая нога – без перемен.

– Ну, не все сразу. Через неделю-другую выдам вам костыли.

Будем учиться ходить.

– И еще, доктор, – замучили кошмары. А когда везли в отделение, видел совершенно голого человека. Галлюцинации?

Доктор усмехнулся:

– Нет. К нам бомжа доставили, грязного, завшивленного. Пришлось отмывать, брить. Пока одежду для него искали, он отправился искать туалет. Марина, дайте больному снотворного. Да, мы с вашим сыном решили вопрос с сиделкой. Завтра утром подойдет. Милая, интеллигентная женщина, из бывших учительниц. Переводить вас в госпиталь резона нет. Да вы и нетранспортабельны пока. Не думаю, что в госпитале вам будет лучше. У нас оснащение техникой не хуже. Врачи – доктора наук, кандидаты. Подождем.

Врач извлек какой-то блестящий предмет, прикоснулся к моей ноге. Я не почувствовал.

– Понятно. Ну ладно, я пошел, а вы общайтесь.

Сын склонился ко мне:

– Батя, прости, у меня через час совещание директоров компаний. Без меня никак нельзя. Завтра я приеду.

– Давай, Игорек, я уже ничего. Привыкаю понемногу.

С уходом сына возникла пауза. Чтобы отвлечься, стал разглядывать соседей по палате. За окном солнечный день, голубое небо. Напротив меня лежит старик, на одеяле разбитые работой руки, высокий лоб, изможденное лицо. К нему приходит маленькая, сухонькая старушка, поит с ложечки чаем. Старик не говорит, только мычит, а глаза светлые, спокойные. В углу – студент. На тумбочке гора книг. Ему разрешили вставать, ходить в туалет, опираясь на костыль. Высокий, худой,

молчаливый парень. Загадка – человек с треугольной головой. Руки в татуировках, лежит, не шевелюсь. У него тяжелый диагноз. Нянечка кормит его с ложки. У каждого своя судьба. Старик, скорее всего, рабочий. Детей нет или они бросили его – сейчас это просто, приходит верная жена, оба у вечного порога. Студент, судя по стопке книг на тумбочке, скорее всего фило-

лог. У него ишемический инсульт. Инсульт нынче помолодел, валит совсем мальчишек. Но он быстро поправляется. К нему приходит девушка, возможно, однокурсница. Некрасива, но мила. Чаще всего они говорят о писателе Набокове.

– Рудик, ты обратил внимание, сколько у Набокова стихов с упоминанием сновидений. Можно составить сборник.

*Глаза прикрою и мгновенно
Весь легкий, звонкий весь, стою
Опять в гостиной незабвенной.
В усадьбе, у себя, в Раю...*

– Конечно, он тосковал по России. Как тебе такое трехстишие:

*Вся Россия делится на сны,
Что несметным странникам даны,
На чужбине ночью долгой...*

И только человек с треугольной головой молчит, хотя говорить он может. С сестрой он общается медленным шелестящим голосом. Я пытаюсь разгадать его профессию и не могу. Судя по наколкам, он сидел в тюрьме. На пальцах два

синих квадрата – две ходки.

Читать мне временно запрещено, и я как бы заново проживаю свою жизнь, воспоминания яркие, отчетливые, все это перемешивается, рождая картины, которых не было в жизни, а может, я забыл о них.

3

Утром Леонид Павлович привел сиделку. Даме лет шестьдесят, может, больше, именно «даме», другого слова не подберешь. В прошлом – учительница. Как-то неловко, как она будет судно выносить. Тепло улыбнулась:

– Меня зовут Мария Павловна. Мне еще не приходилось ухаживать за адмиралом да еще Героем Советского Союза. Но вы для меня, прежде всего, больной и как моряк человек дисциплинированный. Не так ли?

– Как поется в романсе: я отдаюсь без ропота и слез...

– Ну и хорошо.

Халат на Марии Павловне явно не госпитальный, а сшитый на заказ. На ногах бахилы, голову украшает кокетливая шапочка. Как говорится – все чин-чинарем.

– А как с оплатой вашего труда?

– Он решен с вашим сыном. Сын назвал сумму, в два раза превышающую мою зарплату доцента кафедры в университете.

«Доцента, – подумал я. – А что, верно – доцент».

Санитарок, как обычно, не хватает. Мария Павловна мыла пол в палате, ухаживала за стариком, человеком с треугольной

головой. Но основное внимание – мне. Делала все легко, ненавязчиво, с улыбкой.

Как-то вечером я спросил Марию Павловну:

– Леонид Павлович мне сказал, что в прошлом вы работали преподавателем?

Мария Павловна улыбнулась:

– Да. Такой вот поворот судьбы. Ухаживая за больными, я как бы искупаю грехи. Десять лет назад умер муж. Онкология. За два месяца сгорел. Вот тогда я освоила приемы ухода за тяжелыми больными, познала их психологию.

– Оставаясь преподавателем?

– Вы хотите подробно? Извольте. Вы представляете, что происходит сейчас в высшей школе? Да и в средней школе тоже? Фактически, гуманитарная часть предметов целенаправленно уничтожается. Зачем, скажем, современному юноше знать основы философии, этики и так далее. Языки – особая статья – практично и модно. После окончания университета я работала в простой московской школе: красный диплом, родители умерли – пожалели девочку, не отправили в глухомань. Закончила аспирантуру, защитила диссертацию, взяли в университет. Три языка в совершенстве: английский, французский, испанский. Мне перевалило за пятьдесят – возраст приличный, в любимчиках начальства не числилась, на кафедре начались сокращения, мне предложили перейти в престижную гимназию преподавателем. Меня в среде педагогов знали, многие учителя – мои ученики. Лучше бы я пошла в обычную школу. В гимназии расслоение на бедных и богатых особенно выражено. И дети такие же. Я с ребятами ладить умею, к тому же в гимназии в основном

девочки, несколько парней. Преподавала английский и французский – языки нужные. Увлекла. А тут перевели из другой школы типичного мажора Германа Афонина, двухметрового детину, второгодника. Он стал наводить свои порядки. Постоянные опоздания, двойки по моему предмету. Как-то вошла в класс, он сидит, положив ноги на парту. Встать не изволил, нагло так разглядывает меня. Говорю ему, уберите ноги с парты, примите приличную позу. Он только ухмыляется. Явно под воздействием наркотиков. Класс настороженно наблюдает за нами. Я ему тихо, спокойно: так ведут себя дурно воспитанные люди, покиньте класс. Он: это отец меня дурно воспитал? Да ты хоть знаешь, кто мой отец? Повторяю, покиньте класс! Афонин: сама нарвалась, коза. Встал и с размаху ударил меня по лицу. Представляете, как может ударить такой детина. Я потеряла сознание. Кровь.

А за директора гимназии осталась завуч, Тамара Михайловна, моя университетская ученица, она как раз проходила по коридору, женщина решительная. Охрана скрутила хулигана. Вызвали скорую помощь, полицию. Меня в реанимацию, Афонина в участок. Скандал! Потом рассказывали: налетели журналисты, телевизионщики. Девочки из класса сняли происшествие на мобильные телефоны. Меня перевели в челюстно-лицевую хирургию, оказалось – перелом челюсти. Операция. Под давлением завуча написала заявление в полицию. Приложила фотографии, фильмы. Материал дали по телевидению. Оказалось, что Герману исполнилось восемнадцать, и он подпадает под соответствующую статью. Вечером

забежала Тамара Михайловна, лицо измученное, рассказала, что директриса вернулась из командировки, устроила истерику. А тут комиссия из министерства. Все перевернули, выяснили, что директриса крутила аферы с родительскими деньгами. А поборы были серьезные. Ее уволили в двадцать четыре часа. А на другой день явился адвокат Афонина-старшего, этакий лощеный тип. Мальчик сорвался, не ломайте ему жизнь. А в качестве компенсации отец мальчика предлагает солидную сумму, вам до конца жизни хватит, только заберите заявление... Я не стала сдерживать себя: взятку мне предлагаете? А мальчик-наркоман будет по-прежнему бить учителей по физиономии. А тут вошла сестра делать мне укол. Я ей, вот смотри, Марина, этот тип мне взятку предлагает, будь свидетельницей. Адвоката словно ветром сдуло. А меня всю трясло. Бог все-таки есть. Через неделю смотрела в холле телевизор, и вдруг диктор объявляет: «Сегодня утром в аэропорту Шереметьево сотрудники ФСБ задержали известного банкира Афонина Владимира Дмитриевича – пытался бежать за границу. Афонин находился в разработке. За ним крупные взятки, заказные убийства, а в девяностых годах, как выяснилось, Афонин возглавлял крупное преступное сообщество. Ведется следствие».

Из гимназии я уволилась. Подрабатывала переводами. Работала сиделкой в больницах, замаливала грех. Ведь мальчишку можно было спасти. Зона не исправит.

Я возмутился.

– Напрасно вы так. Этот негодяй должен сидеть в тюрьме. Мажоров этих развелось... Наше общество больно, его лечить нужно.

Я с двенадцати лет в нахимовском училище. Мы боготворили своих учителей. Пацаны, безотцовщина. Думаете, меня мать научила, как иглу в руке держать? Командир роты, орденосец научил. Вы правильно поступили, нувориши совсем распустились. Молодежь упущена. Раньше пионерская организация, комсомол, а сейчас ночные клубы с наркотиками. Россию спасет провинция. В провинции зло не так распространено. Ребята на флот оттуда приходят нравственно здоровые, многие остаются по контракту служить. Из них хорошие моряки получаются. Простите, у вас семья?

– Одна. А в больнице я еще кому-то нужна.

Дней через десять Мария Павловна принесла костыли, чуть позже явился лечащий врач, как всегда веселый, краснощекий.

– Ну-с, Александр Иванович, давайте попробуем встать. Сожмите правой рукой мою руку. Да-а, подвижки есть, но небольшие. Спустите с койки здоровую ногу, обопритесь правой рукой о костыль. Собрались. Р-аз!

Я опустил здоровую ногу, оперся о костыль, не без труда встал, попытался шагнуть, но костыль выпал из руки и грохнулся на пол. Я едва устоял.

– Та-ак, – Леонид Павлович развел руками, – отрицательный опыт – тоже опыт. Давайте коляску, Мария Павловна.

Сиделка прикатила коляску и помогла мне разместиться в ней.

Леонид Павлович снял колпак, почесал лысину, сунул колпак в карман, вздохнул:

– Что же, придется пока пользоваться таким транспортным средством. Мария Павловна, покажите больного по коридору,

коридор у нас, правда, небольшой, через недельку можно расширить маршрут. На воздух, в парк, бабье лето на дворе.

«Итак, я колясочник, это реальность, шансы восстановить

руку и тем более ногу, незначительны, – хмуро подумал я. – Ничего, прорвемся».

Через три дня я уж лихо гарцевал на коляске.

4

Скользя по палате, подвезжаю к окну, за окном золотая осень, желтизна на фоне голубого неба. Черные комья ворон раскачиваются на ветках. Рядом я слышу дыхание человека с треугольной головой. Наконец я разглядел, почему голова носит такую геометрическую форму: узкий лоб переходит в остроконечную лысину, запавшие щеки обрамлены пышной бородой, седые волосы лежат на груди, образуя основу треугольника. И вдруг я слышу слабый голос:

– Саша... Хлыщев, ты ли это?

Я вздрогнул, вглядываясь в черты незнакомого лица. И вдруг узнаю его, вспоминаю и фамилию – Белоконь. Старшина третьего курса, что был у нас, первокурсников, помощником командира взвода. Вспоминаю и эпизод, сделавший нас врагами.

В нахимовском училище я занялся баскетболом – рост, реакция, все при мне. В училище я сразу попал в сборную. Как-то ко мне подошел тренер по боксу и спросил:

– Сколько ты вешишь, Саша?

– Где то за восемьдесят. А что?

– Мне до зарезу нужен полутяж. Один раз выступишь и баста.

– Так я больше по баскетболу. Драться, конечно, приходилось. Я ведь нахимовец.

– Покажу тебе основы. Двигаться ты хорошо. При твоём росте джебom не подпустишь близко

противника, а удар правой через руку у тебя пойдет, уж я то знаю. Сделаем тебе третий разряд. Выручай, милый.

Я сдуру и согласился. На первенстве училища я встретился со старшиной Белоконем. Второразрядник, качок, чемпион училища. У меня одно преимущество – рост, я на голову выше Белоконя.

В раздевалке Белоконь с усмешкой сказал:

– Ну что, в первом раунде ляжешь, или я из тебя отбивную сделаю.

– Сразу не лягу. И вообще ринг покажет.

– Ну-ну, я тебя предупредил.

Баскетбол много дает боксеру. Реакция, нырки, чувство дистанции, точность броска. Тренер показал мне фильмы боев Шаткова, Королева, поговорили о тактике бокса.

Первый раунд я кружил вокруг Белоконя, ловко уворачивался, перчатки держал высоко, изредка постреливая левым прямым. Противник промахивался, наполняясь злостью. Во втором раунде кинулся на меня, опустив левую руку, я встретил его справа, целясь в массивный подбородок, и удивился, увидев, как у Белоконя подкопились ноги и он упал, обвиснув на канатах. Зал заревел. Через несколько минут рефери и боковые судья с трудом унесли его в раздевалку, вызвали скорую помощь.

Две недели Белоконь отлежал в госпитале, вернулся осунувшимся. Я для него перестал существовать. На втором курсе у нас появился другой старшина, я больше на ринг не выходил, несмотря на просьбы и угрозы тренера. А потом Белоконь вообще исчез из моей жизни. Знаю только, что его направили служить на Балтику.

– Ты, небось, капитаном первого ранга в запас ушел? – шелестел Белоконь.

– Бери выше, контр-адмирал, командир дивизии атомоходов, потом Главный штаб ВМФ.

– Круто. А я дальше старлея не пошел.

– Что так?

– Водка проклятая. Все шло хорошо, я попал на среднюю лодку 613 проекта, дорос до «бычка». Звездочка досрочно, врезали по этому поводу, и зацепился я с пацанами в парке Кадриорг. Я троих изуродовал, в больнице еле откачали. На меня завели дело, уволили с флота и в тюрьму на три года. Во время прогулки блатные хотели меня на перо поставить, я двоим челюсти сломал. Еще срок добавили. Вышел, никому не нужен, устроился в Питере помощником на рейдовый буксир, женился, все вроде хорошо, но обидно, бля, вот и стал попивать. В последние годы складом в порту заведовал, связался с урками и под старость загремел в зону. Жена ушла. Отсидел пятарик, вернулся в Питер, ни родных, ни друзей. Сунулся в первый попавшийся бар, а оттуда – сюда. Бог наказал, привезли умирать. И знаешь, чего боюсь: похоронят не по христианскому обычаю, а как бомжа, сделают из моего трупа

анатомическое пособие для студентов...

И опять тот же сон: дом опрокинулся, и в облаке пара потекли по проспекту муравьиные потоки безликих людей, полыхнуло зарево, растекаясь по небу. Потом сон ли, явь, сквозь пелену тумана в палату вошли люди в синих халатах, о чем-то пошептались, переложили кого-то на каталку, накрыли простыней и быстро вывезли в коридор. Под утро приснилось торжественное построение на плацу в училище. Начальник училища, вице-адмирал, вручает нам дипломы и кортики. Яркое солнце, золото погон на парадных тужурках. Но почему-то процедура проходит при полном молчании.

Проснулся, когда пришла Мария Павловна. Койка, на которой вчера вечером лежал Белоконь, была пуста. Появился лечащий врач Леонид Павлович, я спросил у него:

– Белоконя вы перевели?

– Перевели, – хмуро ответил Леонид Павлович. – А вы откуда его знаете?

– Одно училище кончали. Белоконь у нас, первокурсников, был старшиной.

– Зек с двумя ходками – ваш однокашник?

– Не повезло мужику, вся жизнь наперекосяк. А куда его перевели? В реанимацию?

– Умер он, – тихо сказал врач.

– Умер? Белоконь одинок, родственников нет, похороны я беру на себя. Гроб, кладбище, словом, все по предложению агента я финансирую. Можно организовать?

– Пусть сын позвонит мне, я свяжусь с нужными людьми. Хотя странно все это выглядит...

Знакомство с женой важная веха в жизни. Я опять отплыл в те далекие годы.

...Музеи и театры меня мало интересовали. Два раза побывал в Эрмитаже, в морском музее, на первом курсе нас водили в Мариинку, театр оперетты – не тронуло, не задело. Еще оперетта, куда ни шло. Предпочитал танцевальные вечера в Мраморном зале, в Доме культуры связи, где танцами руководил незабвенный Хавский. А тут занесло меня выпускника, четверокурсника в Русский музей. Верещагин, помнится, потряс меня, особенно картина, где изображена пирамида из черепов. Я даже не стал читать надпись на табличке под картиной. В голове металась мысль, как просто и убедительно. Рядом остановилась девушка в строгом сером костюме, белой блузке, туфельках без каблуков. Девушка была красивой, но какой-то несовременной, музейной красотой – я уже посмотрелся женских портретов разных княгинь, графинь, известных певиц. Сероголубые глаза, нос с небольшой горбинкой и светлые густые волосы, забранные в причудливую прическу. И никакой косметики. Первое, что пришло в голову – графиня.

– Впечатляет, воин? – спросила у меня девушка.

– Да-а, задумаешься об избранной профессии. Но ведь и Родину кто-то защищать должен.

– А какая у вас специальность?

– Самая морская – штурман. Будущий подводник.

– И вы первый раз в Русском музее?

– Откуда вы знаете?

– Как-то робко себя держите. Такой большой, сильный. Пойдемте, я покажу вам лучшие картины. Во всяком случае, мне они нравятся. Когда у вас кончается увольнительная?

– Свободен как ветер.

Так все и началось. Девушку звали Маша, училась на последнем курсе пединститута имени Герцена. Будет преподавать русский язык и литературу. Маша открыла мне Петербург, с каналами, окраинными улочками, парками, скверами. Знала она поразительно много. Отправляясь в Царское село, мы поднимались по лестнице Витебского вокзала. Маша остановила меня:

– Саша, обрати внимание на бронзовую ручку дверей. Какая прелесть. Вот за эту ручку взялся замечательный поэт Иннокентий Анненский, учитель Гумилева в гимназии, взялся, упал и умер.

А я даже не слышал об этом поэте. Нужно сказать, что Маша сообщала мне все это деликатно, не задевая моего самолюбия. Своей матери я был не интересен, а ведь она много могла мне дать.

Кое-что я узнал и о Маше. Отец погиб во время Финской войны, мать работала портнихой, девочку в основном воспитывала бабушка.

– Семнадцатого сентября срок первого года, дату я узнала потом, – рассказывала Маша, – в наш дом на углу улицы Верейской и Клинского проспекта попала немецкая бомба. Мама собирала вещи, готовясь к эвакуации, а мы с бабушкой пошли в магазин. Когда попала бомба, бабушка вытолкнула меня на улицу, сама выйти не успела. Там среди пыли и гари меня подобрала тетя Рута,

военврач из Военно-морской медицинской академии. Дальше я плохо помню, мне три года, какой-то корабль, затем полуторка, осознавать себя начала только в Кирове, куда позже эвакуировалась академия. В сорок четвертом году академия вернулась в Ленинград, тетя Рута меня удочерила. Нам выделили небольшую однокомнатную квартиру на первом этаже, бывшую дворницкую в доме у Обуховского моста, в начале Московского проспекта. Тете Руте за семьдесят, но она работает хирургом в поликлинике. Я тебя с ней познакомлю, интересный человек, память, как у молодой.

Бывшая дворницкая поразила меня чистотой и бедностью обстановки: две деревянные кровати, небольшой стол у окна, шкаф, швейная машинка «Зингер», крошечная кухня, за занавеской в прихожей умывальник и унитаз. Комнату украшала картина в старинной раме. Море, парусники. Добротное письмо. Под влиянием Маши я стал немного разбираться в живописи, сказались уроки в Русском музее Тетя Рута – высокая, статная женщина, выглядела моложе своих лет.

– Проходите, молодой человек. В вашу честь я испекла трубочки с кремом и заварила чай по особому рецепту. Бушлат повесьте на вешалку в прихожей, палаш поставьте в угол. Живем, как видите, в царстве лилипутов.

Я отстегнул палаш, подошел к картине и сказал:

– Маша, смотри. Если я не ошибаюсь, это Боголепов.

– Молодец, ставлю тебе пять.

– Это очень дорогая картина.

– Да, единственное, что осталось от прежней жизни, – с улыбкой сказала тетя Рута. – Я нашла ее в развалинах нашего дома, картина

попала под нависшую стену, поэтому ее не тронули дождь и снег. Пришлось реставрировать.

Пили чай, разговаривали.

– Я литовка, из древнего литовского рода, отец – барон, был репрессирован, – рассказывала тетя Рута. – Мы с мамой бежали в Ленинград. Устроились у подруги матери в трехкомнатной квартире. Муж подруги, литовец, партийный функционер, рано умер. Вдову не уплотнили, нам удалось прописаться, сработали прежние связи. Вскоре я вышла замуж за морского летчика. В январе сорокового года муж погиб, шла финская кампания. Веселый парень, кудрявый, голубоглазый. Я чуть с ума не сошла.

Училась в первом Ленинградском медицинском институте, когда создали военно-морской факультет, перешла туда, а когда факультет объединился с другими подразделениями, организовали Военно-морскую медицинскую академию, перешла туда. Я принадлежу к первому выпуску академии, меня, отличницу, оставили на кафедре военно-морской хирургии. Если идти по Загородному проспекту, перед зданием бывшей Обуховской больницы сквозь чугунную решетку видно здание, выкрашенное в желтый цвет, – там размещается наша кафедра.

Началась война, Ленинград в блокаде, эвакуация, мама с подругой уехали в Ташкент, я осталась, после войны узнала, что они умерли от брюшного тифа. Принято решение о передислокации академии в город Киров. Команда на отъезд поступила внезапно, я успела забежать домой на Верейскую, за документами, тревожный чемодан был давно собран и стоял в ординаторской, сунула в планшет

документы, едва успела выскочить на улицу, как в дом попала бомба, все вокруг потонуло в пыли, пахнуло гарью. Когда пыль разошлась, в дыму увидела девочку, годика два-три, девочка шла ко мне, протягивала руки. Пламя распространялось стремительно, задрожала и рухнула стена, я подхватила ребенка и побежала к Загородному проспекту. В городе ныла сирена.

Во дворе академического городка курсанты грузили в полуторку оборудование. Забежала на кафедру и чуть не сбила с ног доцента Левашова.

– Рута, что случилось?

– Беда! В наш дом попала бомба. Я успела отойти метров на тридцать, пожар, пыль столбом, немец пятитонку не пожалел.

– А это кто? – доцент кивнул на девочку.

– Чудом спаслась. Я окаменела, стою, шок. И вдруг вижу, из пыли и дыма выходит ребенок. Мне показалось, что я рехнулась. Идет, руки ко мне тянет.

– Что будешь с ней делать?

– Я одинока, она, я думаю, тоже. Возьму ее с собой в Киров. После войны разберемся.

– Как зовут ее?

– Не знаю.

– Считай, Маша. Вот что, Рута, сейчас должна подъехать полуторка за оборудованием. А только что поступил циркуляр, эвакуация академии переносится на неопределенный срок. Через час от порта отходит баржа, вести ее будет буксир «Орел» по Ладоге. На барже врачи, члены семей нашей академии, курсанты первокурсники. Бери полуторку и дуй в порт. Время военное, я тебе сейчас бумагу состряпаю, чтобы от твоей поездки польза была и чтоб патрули не завернули. Пошли в

кабинет. Левашов пододвинул к себе машинку и на бланке академии отстукал письмо. Я бегло пробежала текст: «В связи с планирующейся передислокацией Военно-морской медицинской академии в город Киров для подготовки и согласования с местным руководством размещения объектов академии командируется военврач третьего ранга Морозова Рута Урбановна. С ней следует дочь Мария двух лет. Просьба партийным и советским органам оказать содействие». Как сейчас помню текст. Левашов спрашивает:

– Как, годится?

– Вполне. Особенно хорош военно-бюрократический язык.

– Поговори у меня, – Левашов взглянул в окно, – полуторка подъехала, удачи тебе.

Я сунула бумагу в планшет, схватила чемодан, прижала девочку к себе – и к машине.

Полуторка с водителем, молодым солдатом, мчалась по городу мимо дымящихся развалин, я шептала на литовском молитву. Видимо, бог сжалился надо мной, с Запада напознала туча, нелетная погода – наше спасение. Маша уснула, прижавшись ко мне. Полуторка подкатила к причалу. На буксире уже возились с трапом. Я подбежала к краснофлотцу, тот пожал плечами:

– Баржа переполнена, товарищ военврач.

– Зови начальника.

– Добро.

Подошел капитан, пожилой, кряжистый. Я протянула ему письмо. Он глянул текст, сказал:

– Баржа под завязку. Давайте на буксир. Доктор в этой авантюре может пригодиться. Занимайте с девочкой мою каюту, мне отдыхать не придется.

Краснофлотец в оранжевом спасательном жилете провел нас на буксир, показал каюту. Я положила девочку на койку, легла рядом и мгновенно уснула.

Проснулась от грохота, с буксиром происходило что-то неладное, он переваливался с борта на борт и, казалось, что вот-вот перевернется. Девочка спала, устроившись у меня под мышкой. Я подошла к иллюминатору, мутно-желтая волна ударила в стекло, кто-то рядом, за переборкой, закричал:

– Руби буксирный трос, а то баржа утянет нас на дно.

Послышались звонкие удары по железу. Я кинулась к другому иллюминатору, то, что я увидела – потрясало: баржа, черпала воду, на поверхности виден был лишь округлый нос и небольшая надстройка, корма уходила в глубину, трос с визгом сорвался, через минуту на том месте, где была баржа, носились крутые волны. Ладогу штормило. Распахнулась дверь, ввалился капитан в клеенчатой куртке с капюшоном, хмуρο бросил:

– Хопец, утонула баржа, теперь меня к стенке поставят, а

ведь я говорил начальнику порта, что тащить людей на дырявой барже в эту пору по Ладоге – преступление. Куда там. Сто с лишком человек погибло. Пойдем, дочка, в машинном отделении раненые есть, из тех, кого удалось спасти. – И протянул мне штормовку. – Надень, хотя все равно промокнешь. Накрой девочку моей шинелью.

Я достала из чемодана небольшой саквояж, в нем набор хирургических инструментов, перевязочный материал, медикаменты и шагнула вслед за капитаном, пошла, хватаясь за скользкий леер. Открылся люк, и ко мне протянулись руки. Дальше помню плохо: кровь, перевязки, инструменты обеззаразила спиртом, кипятить негде. Шторм стал затихать, буксир ходко двигался к береговой полосе. Я выпила стакан водки, укрыла раненых и вернулась в каюту капитана. Маша сидела на койке и смотрела на меня большими глазами. Лицо ее скривилось, и она заплакала. Дальше – трудная дорога в Киров.

Таким мне запомнился рассказ приемной матери Маши...

6

Меня считали командиром-везунчиком – восемь походов подо льдом, и ни поломок, ни столкновений, даже сложный подледный поход, за который я получил Героя, прошел в целом благополучно. Поговаривали о какой-то моей особой интуиции, мол, как еще объяснить факт, что я всегда находил полынью во льдах, всплывал, не повредив легкий корпус, не смяв выдвижные устройства. А все дело в березовом чурбачке, чурбачок я опускал в шахту перископа, при моей комплекции

с трудом протискивался в шахту – чурбачок удерживал перископ на нужном уровне, ложился и глядел в окуляры, отыскивая голубое пятно полыньи, и всплывал. Ни разу не промахнулся, не вмерзал в лед, как это случалось с английскими субмаринами.

Но память упрямо выводила к самому значительному событию в моей жизни – к Карибскому кризису. Да, вывернулись тогда благодаря командиру Рюрику Кетову и комбригу Виталию Агафонову, подлинным ассам подводных глубин.

К снам с опрокинутым домом я стал привыкать, научился гасить озноб от кошмаров. Человек ко всему привыкает. А тут приснился сон, плавно перешедший в воспоминание о начале службы.

Когда я сделал Маше предложение, тетя Рута сказала:

– В качестве свадебного подарка организацию свадьбы я беру на себя. Празднуем в ресторане «Нева», метрдотель – мой давний знакомый, когда-то я его оперировала. Празднуем спокойно, по-семейному, при небольшом количестве приглашенных гостей – только близкие друзья.

И все получилось.

На распределении кадровик спросил, на каком флоте я хотел бы служить.

– Северный флот, лодка любого проекта. Желательно «Букашка».

– Почему «букашка»?

– Автономность больше, для штурмана – простор и больше практики.

– Тогда на бригаду в Полярный. Есть местечко.

– Годится.

Полярный в те годы – самое обжитое место на Севере. Сел на катер, и ты в Североморске, а там и Мурманск. Вещей – совсем ничего: два чемодана, да малой скоростью отправил багаж, в нем в основном форма и постельные принадлежности. Встретили нас с Машей тепло, трехкомнатная квартира – каждому семейному офицеру по комнате с мебелишкой. Все необходимое есть, даже посуда, осталась от прежних хозяев. Дом после войны ставили, без излишеств, но путем. Соседи – механик, минер, все с «букашки» Б-4. Магазин рядом. Одно плохо – сухой закон, но Маша изловчилась, спрятала две

бутылки водки для проставы среди женского белья. Дежурный по КП не рискнул в женском белье копаться. Дело как-то сразу заладилась. А Полярный дрейфовал в черной струе: исчезла в море со всем экипажем подводная лодка С-80, в январе рванули торпеды на стоящей в гавани Б-37, при этом подорвала ошвартованную рядом подлодку С-350, в Полярном вынесло все стекла. Летом пожар в носовом торпедном отсеке Б-139. А это значит, взрыв такой же силы. Капитан первого ранга Агафонов, оставшийся старшим на эскадре, бросился на лодку и приказал немедленно отходить от причала, рискуя жизнью, вывел горящую лодку на середину Екатерининской гавани, чем спас причалы и ошвартованные там корабли. Пожар удалось потушить. О деталях я узнал позже, от товарищей.

Осень 1962 года. Хрущев приказал направить в Карибское море атомные подводные лодки для ударов из глубин по американским кораблям. Он не знал, что один атомоход К-19 находится в ремонте после тяжелой аварии, остальные только вводятся в строй. Главком принял решение использовать 4-ю эскадру дизельных лодок. К реальным действиям была готова 69 бригада. Это была чистой воды авантюра: направлять дизельные подводные лодки, приспособленные к условиям Арктики, в тропические моря.

Впервые брали в поход торпеды с атомными зарядами, по одной на каждую лодку. Командир бригады спешно залег в госпиталь, флагманом назначили капитана первого ранга Виталия Агафопова. Лодки из Полярного вывели в Сайда-губу, оцепили охраной. Вскрыть секретные пакеты

командиры должны были с выходом в море. Секретность похода была такой, что экипажи четырех подводных лодок узнали о том, куда идут, после выхода в море. Лодки сосредоточили в бухте Оленья. В качестве легенды прикрытия командирам лодок было объявлено, что идут они в Африканскую республику Гана, а штурманам получили комплект карт на всю Атлантику. Это была моя третья автономка.

После выхода в море определилась основная задача: совершить переход через Атлантику и обосноваться в Кубинском порту Мариэль, западнее Гаваны. После острова Кильдин подводные лодки погрузились и пошли по ходным строем, за кормой остались Баренцево, Норвежское, Исландское моря, наконец, Северная Атлантика, миновали противолодочные рубежи НАТО, скрытно форсировали Фареро-исландский рубеж, всплывали по ночам бить зарядку, у меня, штурмана, работы хватало. И все это в жестокие осенние шторма в Атлантике. Швыряло так, что спящих вытряхивало с коек, из аккумуляторных ям выплескивался электролит, сигнальщики привязывали к перископам.

От Азорских островов повернули на Багамы. Появились новые трудности: жара, американские гидрофоны-слухачи, разветвленная система целеуказания. В Саргассовом море днем невозможно поднять перископ, радиометрист сразу же докладывал о работе американских радаров. По отсекам гуляло страшное слово «война», и война не обычная, а термоядерная. Стрелял боевыми торпедами с ядерными боеголовками один командир Б-130 Шума-

ков, остальные командиры такого опыта не имели. От жара плавился пайковый шоколад, корпус звенел от импульсов гидролокаторов, возникли проблемы с электричеством, комбриг сократил освещение в отсеках. В душной тьме застыли операторы в трусах с полотенцами на шее, они напоминали подводных призраков. Основное внимание акустикам. Где-то рядом рвались глубинные бомбы и гранаты. На вахту выдавали пол-литра воды с отвратительным привкусом. Командир Б-4 принял решение рвануть в сторону США, чтобы выскользнуть из сети гидролокаторов. Маневр оправдал себя, нас потеряли. Наша подводная лодка Б-4, на которой находился комбриг, уберглась от всплытия и не оказалась под конвоем американцев. Больше всех доставалось мотористам, в их дизельном отсеке температура поднималась выше шестидесяти градусов. Я спал два-три часа в сутки, устраиваясь в первом отсеке на прохладной торпеде. Б-13 с вышедшими из строя дизелями пришлось всплыть, ее под конвоем американских кораблей отправили назад к спасательному судну СС-20, пришлось всплыть и подводным лодкам Б-36 и Б-59, но ей, путем хитрости командира, удалось нырнуть на глубину и уйти от преследования. Задача выполнена не была. Домой возвращались в мрачном настроении. Командиры ожидали раздолба от командования. Так и вышло. Комбрига вызвали в Москву, маршал, заместитель Министра обороны, стукнул кулаком по столу и крикнул: «Зачем всплывали, ведь у вас атомные энергетические установки!» Комбриг Виталий Агафонов спокойно ответил: «Шли на дизельных

подводных лодках, а для того чтобы зарядить батареи, нужно всплыть и дизелями бить зарядку». Члены комиссии переглянулись – никто из руководства не знал, что поход проходил на ди-

зельных лодках. Происшествие спустило на тормозах. А наградной список так и застрял в ЦК. О единственном в истории походе подводных лодок с Севера в тропики постарались надолго забыть.

7

Время тянулось медленно, один день походил на другой, к студенту приходила девица, они выходили в коридор, устраиваясь в холле. К старику приходила жена, приносила яблоки. Резала их на квадратики и кормила мужа, он временами задыхался. Койка, на которой умер Белоконь, пустовала. Самыми тяжелыми были вечерние часы, я смотрел телевизор, всячески оттягивал время сна, меня продолжали мучить кошмары. Я старался не засыпать, уходя в воспоминания, прячась за них.

Командиром атомохода я стал довольно рано. Прошел курсы подготовки в Обнинске. Из соображений режима секретности нас переделали в форму офицеров внутренних войск – занятие довольно глупое, все горожане знали, где учатся моряки-подводники. Из капитан-лейтенанта я превратился в заурядного капитана, особенно докучали сапоги – предмет постоянных розыгрышей. Хорошо хоть не заставили носить портянки. Я никак не мог привыкнуть к галифе с подтяжками. Маша осталась в Полярном, ее сделали классным руководителем, сын Игорь ходил в детский сад. Поле курсов я получил назначение на атомную подводную лодку в Гремиху.

Гремиха в те времена являлась одним из удивительнейших мест на земле. Мысль построить в ней военно-морскую базу могла

прийти в голову разве что параноику, отсюда и странности. Связь с материком – только водным и воздушным путями, ограниченными суровыми погодными условиями. Случалось, туземцы неделями не получали почты, и тогда над поселком тархтел гидросамолет, биплан времен Второй мировой войны. Если погода позволяла, самолет усаживался в бухте, если нет, – летчик сбрасывал на городской стадион мешки с почтой. Мешки лопались от ударов о каменистую почву, ветерок разносил письма и газеты по всей Гремихе, люди выковыривали их из снега, собирали по болотам. Положение усложнялось тем, что заполярный гарнизон находился в зоне радиомолчания, ни телевизоры, ни обычные бытовые приемники не принимали, да и спецаппаратура работала плохо.

Наверху кому-то ударила в голову идея построить железную дорогу, идея провалилась, но в поселке долгое время существовала штатная должность начальника железнодорожного вокзала, имелось и лицо, ее исполняющее.

Самым красивым зданием в гарнизоне считался камбуз береговой базы: высокие потолки, венецианские окна, превосходная акустика. В Гремихе под напором ветра обычные-то окна не выдерживали, приходилось устанавливать третью раму, а уж венецианские...

Но не только этим характеризовалось замечательное сооружение, к камбузу не были подведены ни водопровод, ни канализация, ни электричество. По замыслу проектантов пищу на камбузе должны были готовить на кострах. Чтобы избежать пожаров, начальство превратило здание камбуза в шкиперский склад. Офицеры и личный состав питались в бараче, где ветром с головы срывало шапки. В жилом городке вода не поднималась выше второго этажа, отопление не достигало четвертого, пятые этажи пустовали, и там поселились привидения.

Оторванная от мира, лишенная телевидения, радио, Гремиха, сама того не ведая, жила по Божеским законам – некое северное поселение добрых самаритян, которые никогда не оставят ближнего своего в беде, не воруют, не лгут, а если и прелюбодействуют, то исключительно по острой нужде. Такие самаритяне, оказавшись на Большой порочной земле, поражали соплеменников своим простодушием и незлобивостью. Из пляжной, похотливо урчащей толпы где-нибудь в Крыму сразу можно было выделить гремиханца по наивным глазам и забывчивости брать на рынке сдачу.

Таким образом, благополучно миновав так и не построенный социализм, они находились где-то уже на пути в Светлое Манящее Будущее.

В Гремихе даже с флорой происходили необъяснимые науке явления. Например, в штабе дивизии в служебной каюте механиков на подоконнике стоял зигокактус с суставчатыми листьями, на конце которых временами вспыхивали алые цветочки. Механики, понятное дело, дули в каюте спирт, а

опивками орошали горшок с растением. Уже через месяц кактус бурно разросся, сочные дольки его набрякли, потускнели, а цветы приобрели алкогольно-синюшный оттенок. Стоило прекратить орошение, как листья спившегося зигокактуса усыхали, а цветы опали. Сто граммов разбавленного «шила» возвращали растению цветущий вид.

Через пять лет службы в Гремихе я принял атомную лодку и как-то быстро вписался в экипаж, хотя старпом и механик были старше меня. Года через два меня к себе вызвал комдив Криворучко и спросил:

– Напомни, сколько тебе лет?

– Тридцать два стукнуло.

– Ого. Так можно и с академией пролететь. Короче, год на подготовку и поедешь сдавать экзамены в академию. Я тебе наводку дам, а положение о приеме возьмешь у начальника штаба. Как?

– Согласен.

– Ступай, но чтобы после академии вертался в Гремиху.

– Куда же без Гремихи?

Экзамены в Военно-морскую академию я сдал на «отлично», и в установленное время всем семейством двинулись в Питер, оставив квартиру химику с женой и ребенком, добрались хорошо, вовремя подоспел лайнер «Вацлав Воровский». Разместились в офицерском общежитие на улице Пархоменко. Мне как командиру лодки, капитану первого ранга, достались две комнаты, одна побольше, другая совсем крохотная, ее сразу захватил сын Игорь.

Да, счастливое было времечко. Заниматься приходилось много, но Маша выкраивала время на музеи и театры, часто навещали тетю

Руту, которая за прошедшие годы очень сдала, с трудом ходила, но бодрилась. Жили, ни в чем себе не отказывая. В Гремихе деньги не на что тратить, разве что на одежду и еду жене и сыну. Так что ехали в Питер с солидным аккредитивом. Игоря устроили в школу с математическим уклоном, он стал ходить в секцию самбо, все успевал. Но, как известно, жизнь – полосатый матрац, из светлой струи злодейка жизнь свернула на черную. И так неожиданно, на фоне совершенного благополучия. Год учебы подходил к концу, я получил семейную путевку в сочинский санаторий, нужно погреться после Гремихи, да и Питер зимой не сахар, с мокрым снегом, вперемешку с дождями, утренними туманами. А тут грянула весна, белые ночи, сирень.

Как-то Маша проснулась, села в кровати и сказала:

– Саша, у меня один глаз не видит.

– Как не видит?

– Совсем...

– Никуда не уходи. Я махну в академию, в санчасть, попрошу направить тебя к глазнику в Военно-медицинскую академию.

И закрутилось. Машу положили в клинику академии на обследование. Через неделю вечером Маша звонит:

– Саша, беда, меня переводят в онкологию. Что-то консультанту не понравилось.

Утром я уже был в клинике. Симпатичный пожилой профессор пригласил меня в кабинет, усадил в кресло, сказал:

– Дело серьезное, Александр Иванович. Поражен не только зрительный нерв левого глаза, а ряд лимфатических узлов брюшной полости. Процесс генерализо-

ванный, подозрение на лимфосаркому.

Меня точно обухом по голове стукнули. Тупо сказал:

– Как же так? А мы путевки в Сочи получили.

– Поездку в Сочи придется отложить. Оперировать нельзя – метастазы, четвертая степень.

– Но ведь она не жаловалась.

– Это коварная опухоль.

– Скажите, профессор, сколько ей осталось?

– Месяц, два. Держитесь – единственное, что я могу сказать. Марии не говорите.

Профессор не ошибся. Через полтора месяца Маши не стало. Похоронили ее на Волковом кладбище. Если бы не сын, я бы с ума сошел.

Игорь сказал:

– Папа, нужно жить. Обедать я буду в кафе, это рядом. Завтраки и ужины – в общаге, это я беру на себя. И никуда не поедем, будем в Ленинграде, рядом с мамой. Кончишь академию, вернемся в Гремиху.

И твердо взглянул мне в глаза.

Так мы и жили, ушли в учебу, чтобы перебить горе. Я написал своему боцману Никифору, чтобы к нашему приезду он перевез вещички в двухкомнатную квартиру, трехкомнатная нам уже ни к чему. Боцман ответил: «Тут ходит слух, товарищ командир, что вас ждет повышение, комдив распорядился выделить вам трехкомнатную в новом доме с улучшенной планировкой. Так что извиняйте, Вашу просьбу выполнить не могу. Дом вот-вот сдается».

Слух подтвердился – я получил назначение на должность начальника штаба дивизии атомных подводных лодок.

...Иногда я просыпался под утро, шарил глазами по сторонам, пытаюсь вырваться из плена сновидений в опрокинутом доме. И ждал утра. Это были тяжелые минуты, когда слабеет воля и все видится в черном свете. Но наступало утро, приходила улыбающаяся Мария Павловна, и жизнь вновь обретала смысл.

Здоровые люди не следят за собой. Так и я. Инсульт – результат моего легкомыслия.

...До конца похода оставалось десять дней. Я сидел в любимом кресле в центральном посту, покалывало сердце. Скомандовал:

– Всплыть на перископную глубину, – подошел к перископу, оглядел горизонт. Серо, чисто. Смотреть мешали точки, мелькавшие перед глазами.

– Стало как-то мутно, нехорошо. Командир, принимай команду, пойду, прилягу. Ночь не спал.

– Добро.

Подошел к межотсечному люку, и вдруг свет стал меркнуть, схватился за переборку и сполз на пол. Дальше путаница: чьи-то сильные руки раздевали меня, укладывали на койку, и все это молча. А может, я оглох? Минут через пять пришел в себя и первое, что увидел, – рыжие усы корабельного доктора майора Николая Кочергина.

– Коля, где я? Что случилось?

– Вы в лазарете, товарищ командир. Накопившаяся усталость дала о себе знать. Гипертонический криз, давление двести десять на сто. Все необходимое я сделал. Покой, постельный режим, через пять дней вы в форме, но без повышенных нагрузок. Командира вы

всему научили – пусть командует.

– Твою мать, а связь со штабом флота?

– Через пять дней. Пусть командир на связь выходит. Справится.

– Может, в каюту перейти?

– Нет. Там команды по трансляции, офицеры покоя не дадут. Никого, кроме командира, в лазарет не допущу. Спите, диета щадящая.

Я посмотрел на доктора: рост метр восемьдесят, вес за девяносто килограммов. Боцман утверждал, что доктор отвинчивает гайки без газового ключа. Да, такой не пустит.

Доктор взял руку, пощупал пульс, тихо сказал:

– Усталость – болезнь. Это признала Всемирная организация здравоохранения. Вы когда в санатории были?

– Не помню. С экипажем в Солнечногорском санатории был во время межпоходового отдыха. Скукота, предпочитаю рыбалку.

– И диспансеризацию в этом году не проходили. Флагврач боится, а я бы настоял, хоть выгоняйте.

Кочергин прав, с ним не поспоришь. Лейтенантом пришел на лодку и сразу показал твердый характер. Через пять дней я перебрался в свою каюту. Когда в Гремихе докладывал командующему о завершении похода, дрожали руки. А ночью опять приступ, увезли в госпиталь. На другой день прилетел на гидросамолете консультант – ведущий терапевт госпиталя флота – маленький, сухонький, но с хваткой аллигатора, полковник. Допрос устроил по первому разряду, как мышь, шуршал

электрокардиограммами, причмокивал губами, потом спросил:

– Вы артериальное давление часто меряете?

– А зачем? Чувствую себя хорошо. Устал в походе, вот и подскочило давление.

– Нет, товарищ контр-адмирал, у вас выраженная гипертоническая болезнь. Полечим, подберем медикаментозную схему, пить лекарства беспрекословно. Вы женаты?

– Умерла жена, пять лет назад.

– Простите, ради бога. Значит, дома контроля нет, только служба. М-да, в отпуске давно были?

– Месяца два как. Без выезда. Охотился с приятелем в тундре, рыбачил, семга пошла.

– Это хорошо, но теперь придется лечиться в санаториях, причем осенью, например, в Сочи – осень там прекрасная пора.

– Не темните, доктор. Служить смогу?

– В должности комдива – нет, поплавали – хватит, да и Гремиха не курорт, ваш опыт пригодится на высокой штабной должности, лучше в средней полосе. Хороший климат, нормированный день. Но это не мне решать.

Врач исчез, как гном, а я остался один на один с собой.

Поздно вечером я перебрался в коляску и покатил к отливающему гляncем окну. Слева белым пятном проступала опустевшая койка Белокопя. Судьба бывшего старшины поразила меня. Хорошо, хоть похоронить его удалось по-человечески. Я вглядывался в темноту, прореженную огоньками на проспекте, думал о том, что, в сущности, я счастливый человек, прожил счастливую жизнь, состоялся как командир, мне повезло с женой, я люблю ее и сейчас. После ее смерти не прикоснулся ни к одной женщине. Мне повезло с сыном, он не стал моряком, вмешалось окаянное время, когда рухнули прежние представления о морали, подменили ее чем-то вроде эрзаца, но Игорь все же стал личностью. Долгая жизнь в Гремихе позволила ему законсервировать представление о христианских заповедях. Пошел дождь, тяжелые капли забарабанили по стеклу. Огоньки из тьмы теперь напоминали искорки, летевшие вслед автомобилям.

Снилась Сенная площадь в Питере, наш дом, еще до-революционной постройки. Отцу дали квартиру перед войной, когда его назначили командиром «шуки». Я его почти не помню, в сорок первом его лодка подорвалась на mine. Мы с матерью были в эвакуации в Куйбышеве. Жить без отца трудно, а жить с моей матерью еще труднее. Поэтесса, редактор в ленинградском отделении издательства «Советский писатель», круг друзей-поэтов, каждый вечер

собиравшихся «погудеть» у каминна, с первого класса я сам подогревал обед, уроки делал на кухне, матери было не до меня. В третьем классе с помощью учительницы написал письмо главкому ВМФ с просьбой определить меня в нахимовское училище, мечтаю стать офицером флота, как отец, командир подводной лодки, погибший во время Великой Отечественной войны. Через месяц к нам домой пришел капитан первого ранга, мать легко согласилась отдать меня в

училище. Беспорядок, царивший в нашей квартире, видимо, произвел на капитана первого ранга впечатление. Детство и юношество прошло в нахимовском училище, участие в моем воспитании мать ограничила переводами на карманные расходы, хотя от Сенной площади до училища сорок минут ходьбы. В нахимовское я пришел готовым к тяготам военной службы, среди пацанов-блокадников, тощих, синюшных, я выделялся самостоятельностью, умением постоять за себя, авторитетом, которому подчинялись легко, без конфликтов. Меня сделали командиром отделения, ко мне благоволил командир роты. На флотских харчах я сразу подрос, набрал вес. Но в душе, где-

то очень глубоко, во мне жил ребенок, остро скучающий по матери, ждал, что она навестит меня в училище, но она не навестила. Я редко бывал дома, а когда мать вышла замуж, вообще перестал ходить.

Я был в море, когда мать умерла. В квартире жили чужие люди, они-то меня сводили на Семеновское кладбище, показали могилу матери со скромным памятником. Теперь в старости я часто слышу о женщинах, лишенных материнского инстинкта, они бросали, а порой и убивали своих детей, а тогда на кладбище, я впервые испытал горечь утраты, но сделать, увы, уже ничего было нельзя. А нового мужа мать выгнала – пил. Хотя это слабое утешение.

10

Вскоре я забыл о своих болячках, дела закрутили. Шла активная подготовка двух лодок для несения боевой службы. Как вдруг зазвонил телефон, знакомый, с хрипотцой голос спросил:

– Александр Иванович, ты?

– А кто же еще? Здравствуй, Петя.

Звонил старый друг контр-адмирал Завгородный. Вместе выпускались из системы, вместе попали в Гремиху, а потом одновременно стали командирами лодок. Сколько было выпито «шила», сколько съедено семужки в лихой компании. Завгородный – москвич с Якиманки, жена тоже москвичка, вот и пилила мужа, давай в Москву, сколько можно сидеть в дыре? Петр и дрогнул, согласился пойти в Главный штаб ВМФ заместителем начальника Управления кадров. Вскоре получил квартиру и звание контр-адмирала.

– Саша, я тебя вот по какому поводу беспокою. С флота пришла цидуля – решение ВВК, тебя списывают с плавсостава. Гипертония, тоссе. Да и хватит, поплавал, дивизией покомандовал. А тут, в Москве, в управлении боевой подготовки должность освобождается: начальника отдела боевой подготовки подводных лодок. Все в масть, ты – контр-адмирал, герой Советского союза, опыт и столько лет в Гремихе. Соглашайся. Не женился?

– Нет

– Игорь как?

– Заканчивает в следующем году школу. В науку ударился.

– Короче, день подумай и позвони мне. Должность видная, правда, командировок много, но начальнику отдела не во все командировки нужно ездить. Разве что с главкомом.

Я подумал и согласился. Второй такой случай, может, не представится. Ребята в отделе свои,

многие меня знают, Москва, опять-таки.

В конце августа мы с сыном двинулись покорять Москву. Командование флотилии устроило пышные проводы. Больше всех огорчился боцман Никифор. «Все, конец охоте и рыбалке, товарищ комдив. Алевтина дома сидит, носом хлюпает».

– Может, перетащить тебя в близкое Подмосковье, а то и в Москву?

– Нет, товарищ комдив, я с Севера ни ногой. После увольнения в запас двину в родную деревню Лопшеньгу. Дом куплю, лодку, машинешку.

Квартиру оставил со всей мебелью, посудой. Подаренные сервизы, вещи, разные мелочи, книги боцман обещал направить в Североморск, а там друзья контейнером отправят в Москву. С собой взяли три чемодана, так, чтобы пролезли в рубочный люк. До Мурманска добирались на дизельной лодке, шедшей в Росту на капитальный ремонт.

В Москве встретили хорошо. вручили ключи от квартиры в доме на углу Комсомольского проспекта и Первой Фрунзенской, четвертый этаж, три комнаты. Квартира за выездом, но прилично отремонтирована. АХО постарались. Школа недалеко.

В Москве с мебелью быстро управились, Игорь вытянулся, меня догоняет, раздался в плечах, а вот лицом в мать, значит, красив. После смерти Маши никуда мы из Гремихи не выезжали, горе глушили охотой и рыбалкой, боцман Никифор знал такие места, такие урочища. Частенько натыкались на брошенную немецкую технику. Игорь рос молчаливым, сосредоточенным. Классный руководитель

школы в Гремихе утверждала, что Игорь математический гений, изучает математику по учебникам для физико-математических вызов. С гуманитарными предметами все отлично, но без блеска. Его конек – физика, информатика. Вот спорт он избрал странный. Ходит в секцию рукопашного боя, а ее ведет бывший спецназовец.

За год Игорь принял участие в двух математических олимпиадах и выиграл. С ним беседовал профессор из МГУ, звал поступать на физико-математический факультет: «Для вас поступление на физмат – формальность, вы же одаренный математик.

Я спросил:

– Будешь ученым? Хорошее дело.

– Не, батя, я скорее прикладник. Базовые науки меня всерьез не волнуют, как и перспектива стать преподавателем. Да и традиции нарушать нельзя.

– В смысле?

– Дед – моряк, отец – моряк. Меня, правда, не тянет в строевые, судоводители. Буду поступать в Высшее военно-морское училище радиоэлектроники имени Попова, оно в Петродворце. Я и факультет уже выбрал – электронно-вычислительной техники, меня интересует информатика и электронные технологии. За ними будущее.

– Игореша, связисты растут медленно, высших должностей маловато. Можно застрять в кавторангах.

– Меня это не волнует. Главное – наука.

– Ну, смотри.

Игорь закончил школу с золотой медалью, поступил в училище, круглый отличник, кандидат в мастера спорта по самбо. Виделись мы теперь редко. На четвертом

курсе на Игоря обратил внимание капитан первого ранга, сотрудник закрытого НИИ ВМФ, пригласил на разговор, спросил:

– Что, если мы пригласим вас в институт. Нам нужны молодые, одаренные ребята. Как?

– Конечно, согласен.

Но с институтом не вышло. Не помогла золотая медаль за окончание училища, ни мои связи. Игоря назначили в Главный штаб ВМФ в вычислительный центр. Игорь погас – работа ему не понравилась: много суеты, неразберихи, лейтенант в Главном штабе – ломовая лошадь. А тут грянула перестройка, и все пошло наперекосяк. Заговорили о переводе ГШ в Петербург. Запретили приходить на службу в форме, началось воровство. Как-то вечером Игорь пришел пьяненький. Тяжело опустился на стул и сумрачно сказал:

– Все, батя, больше не могу сплошная разруха, на флотах тырят, что попало, адмирал, ты его знаешь, сидит в Матросской тишине за мошенничество в крупных размерах. Флот трещит по швам. Я сегодня подал рапорт на увольнение в запас. Начальник центра подмахнул, не глядя. Сейчас это просто.

– Куда пойдешь, сын? – спросил я.

– Зовут в фирму программистом, оклад в три раза больше лейтенантского. Перспектива роста.

– Ну, смотри, тебе решать.

– Проживем, батя.

– Ты где клюнул?

– В «Шоколаднице», позади метро «Лермонтовское». Пил с такими же горемыками.

Через год за внедрение каких-то новшеств в работе Игорь получил премию и купил себе иномарку. А через пять лет стал топ-

менеджером процветающей фирмы и обзавелся однушкой на четырнадцатом этаже в Москве-Сити. Как Игорь сказал: для мужских развлечений. Я там ни разу не был. Тем более Игорь дом не бросил, а свою современную квартиру посещал по субботам и воскресениям.

За несколько лет Игорь заметно изменился: заматерел, в голосе прорезались командирские нотки, носил дорогие костюмы, английский как родной, о работе не говорил. «Пашем понемногу. Скучная это материя, хотя у меня работа, скорее, творческая – делаю, что хочу, частенько попадая в десятку». Дома шелуха с него слетала, становился прежним. О женщинах говорил с цинизмом: «Любовь сведена к механическому акту. Представляешь, сейчас при регистрации брака оформляют контракт. И потом эти разговоры о заграничных поездках, дорогих тачках, шмотье. Противно. Для меня идеал женщины – наша мама. А где такую найдешь? Проще снять валютную проститутку. За невестой нужно в Грехиху ехать».

Как-то зашел с женщиной. Все на месте, умна, красива, двадцать три года, а уже хозяйка «Салона красоты» в центре Москвы. Ведет себя достойно, одета с иголочки, а мне все блазнится – кукла, механический робот.

Игорь, представляя ее, сказал:

– Знакомься, батя, моя подруга, звать Алина.

– Очень приятно

– Пойдемте, пообедаем в ресторане. Пивной ресторан напротив.

Через несколько месяцев Игорь явился сумрачным, с бутылкой дорогого коньяка.

– Давай, батя, врежем. С моей женьтибой ничего не вышло.

– Что случилось?

– Я понимаю – любви нет, но хоть уважение должно остаться. В постели – лучше не надо, я привокать уже стал, все шло к загсу. Улетел в Брюссель по делам фирмы, дело закончил, быстро на самолет, соскучился по Алине. Прилетел на два дня раньше, звонить в дверь не стал, у нас не принято, открыл своим ключом и сразу усек: у подружки кто-то есть, пахнет чужим парфюном, в углу штиблеты сорок первого размера, у меня – сорок четвертого, распахнул дверь – дальше, как в анекдоте. Моя Алина спит, задрав ногу на лохматого мужика. Тебе известно состояние холодного бешенства? Голова работает четко – никакого чувства. Сдернул с них одеяло и спокойно

сказал мужику:

– Будешь сопротивляться, кости переломаю.

Взял в охапку его шмотки и вышвырнул на лестничную площадку перед лифтом, туда же обувь. Тот крысенком шмыг в дверь. Алина спокойно сидит в кровати, даже не прикрылась. Я ей тоже спокойно говорю:

– А ты собирай вещи, и чтобы к вечеру тебя здесь не было. Ключ бросишь в почтовый ящик. Все! – Нужно отдать ей должное: ни слез, ни скандала. Я бросил свой чемодан и к тебе. Вечером съезжу, проверю. Доставай стаканы, лимоны я купил.

С тех пор как отрезало. Мужика за сорок, а не женат. Боюсь, так холостяком и останется.

11

Вечером зашел Игорь, сказал:

– У меня для тебя три новости и все хорошие.

– Валяй.

– Как ты думаешь, где живет Мария Павловна?

– Откуда мне знать.

– На улице Ефремова, а это до нас две остановки на троллейбусе. Она согласилась курировать тебя, сколько потребуется. Это раз! Два – нанял мастера, он укрепил на стене металлические леера. От

твоей койки до туалета, к входной двери и на кухню. Опираясь на них, ты сможешь перемещаться по квартире.

– Прекрасно. А третья новость?

– Я купил тебе немецкую коляску на электротяге. А это увеличивает твои возможности. Спустился на лифте, там слип, по нему во двор, гуляй с Марией Павловной.

– Спасибо, сын, значит, еще поживем. Наша порода крепкая.

